1
2
3.
4. Аксаков С.Т., авт. инсц. — Карнаухов И., Браусевич Л.
5. Аленький цветочек
6. Таллин — гос. русский драм. театр Эстонской ССР
7. реж. — Бриллиантов Л.
худ. — Тарвас А.

Молодежь Эстонии
16 марта 1968 г. г. Таллин

УСТАМИ МОЕЙ ДОЧКИ

МЕСЯЦ ТЕАТРА 1968

ВСТРЕЧА в театре со сказкой для ребят — всегда праздник и тем более радостный, когда перед детскими глазами оживают на сцене дорогие ребячьим сердцам чудесные русские сказки.

В одно из воскресений я повела свою восьмилетнюю дочь-школьницу в Русский драматический театр смотреть «Аленький цветочек» по пьесе И. Карнаухова и Л. Браусевич.

— А там будут Аленушка и ее сестрицы? А чудище? — забрасывала меня вопросами дочь, знающая чуть ли не наизусть «Аленький цветочек».

— А танцевать и петь там тоже будут? — вновь не унималась юная моя спутница, успевшая в свои восемь лет стать поклонницей театрального искусства во всех его жанрах. Казалось, вопросам не будет конца.

Но вот открылся занавес, и дочка притихла. Мы попали с ней в яркий и красочный мир.

На сцене стоял терем, с его крыльца выходила, вернее, «белой павой выплывала» одна из Аленушкиных сестриц — толстушка Фиса со сладкой улыбкой на устах; озорной, веселый работник Антон наигрывал на балалайке, а поодаль, за теремом, расстилалось «сине море» и на нем корабль купца, ладья, готовая к отплытию «в дальние страны заморские». Получил купец заказы на подарки от дочерей своих и поплыл... Как зачарованная, смотрит моя дочка на рисованые синие барашки волн, по которым двигается уже уменьшенный до размеров игрушечного корабля купца. Плывет корабль и уменьшается все дальше и дальше [illegible] дочерей [illegible] [illegible] аленькие цветочки [illegible] покрывочки, [illegible] по синему [illegible] рисунки [illegible] русских народных [illegible]. И в этом, конечно, заслуга художника спектакля Айно Тарвас.

Вот дремучий, «зачарованный» лес с изогнутыми могучими стволами деревьев, с причудливыми рисунками паутины. Кокетливая, проворная Кикимора, «вооруженная» биноклем и свистком (артистка Э. Брусницына) и боязливый, флегматичный Леший с портативным приемником и микрофоном в руках (заслуженный артист ЭССР П. Варанди) начинают по приказу воинственной Бабы-Яги (артист Е. Палов) пугать искателей Аленького цветочка. Кикимора подбегает к электробудке и открыто подает электрикам знак — свет гаснет.

— Что это? — шепотом спрашивает меня дочка, показывая на появившуюся из электробудки черную, светящуюся огоньками, перчатку, от которой приходит в ужас хвастливый «храбрец» Антон.

— Это волшебные огоньки, — отвечаю я. Дочка вглядывается пристальней и смеется.

— Это же лампочки, — разоблачает она волшебные чудеса, но от этого разоблачения сказка не становится для нее менее интересной. Разочаровал ее только чудище: на сцене двигалось что-то большое, несуразное, внешне похожее на огромную сову.

«Хорошо, что в таком виде чудище скорее смешит, чем пугает, ведь в зале много малышей, даже дошколят», — подумалось мне. Но дочь придерживалась иного мнения. Она заметила в антракте: «Чудище смешной, это совсем неправильно, он должен быть обязательно страшным».

— Почему?

— Чудище говорит: «Страшен я», и Аленушка его пугается. А такого смешного не испугаешься.

И тут же добавила:

— А вот Баба-Яга смешная — это правильно, — и засмеялась, вспомнив, как Баба-Яга, по рассеянности, вместо метлы уселась верхом на ружье. — И сестрицы Аленушки очень смешные, особенно Фиса: как она от страха залезла в сундук! — восторгалась дочка.

Средняя сестрица Фиса в исполнении С. Влюхер была действительно хороша. Рисунок ее роли отличался внешней пластичностью и народным, напевным речевым колоритом. И при этом раскрывался живой, убедительный характер сценического образа, как бы символизирующего собой мещанскую ограниченность и тупость.

Органичными и колоритными по стилю исполнения были и другие герои сказки: няня — заслуженная артистка ЭССР М. Захарова, купец — народный артист ЭССР В. Архипенко, работник Антон — артист П. Байков. Центральный же образ Аленушки несколько выпал из общего ансамбля. Начинающая актриса Л. Лопатина, только что окончившая театральный вуз, играет искренне, эмоционально, но ей явно не хватает внешней выразительности — легкости, пластичности движений, мягкости, плавности речи, что отличает положительных персонажей русских народных сказок и что соответствовало бы общему строю данного спектакля. Жаль, что режиссер спектакля Л. Бриллиантов в этом отношении не помог молодой актрисе. Если же говорить о постановке спектакля в целом, хочется отметить яркость, выразительность формы, ряд режиссерских и актерских находок, интересное решение отдельных сцен.

Но все это уже мои суждения, суждения взрослого зрителя. А между тем моя дочка и ее сверстники горячо аплодируют артистам в финале спектакля, когда заколдованный принц силой Аленушкиной любви вновь превратился из чудища в доброго молодца (артист П. Внуков).

Отрадно, что Русский драматический театр периодически обращается к постановкам для детей, приобщая их к театральному искусству, развивая их фантазию, воспитывая в них высокие нравственные начала.

Вечером я слышу, как дочка, показывая своим сверстницам-соседкам домашний кукольный спектакль, тянет тоненьким голоском за Аленушку: «Нет, вернусь я во дворец, ведь я слово дала, слово русское, нерушимое».

— Мама, а мы еще пойдем в театр? — вдруг, прерывая представление, обращается она ко мне.

— Обязательно, — отвечаю я. И я тоже надеюсь, что сдержу свое слово. В мартовские, весенние каникулы театр должен порадовать своих юных зрителей еще одной премьерой — пьесой В. Коростелева «Димка-Невидимка». Ее герой — школьник Димка, не очень послушный и не очень прилежный, но в общем-то славный обыкновенный мальчишка, с которым происходят необыкновенные, почти волшебные истории.

Будем надеяться, что и новый спектакль, эта своеобразная современная сказка, принесет тоже радость нашей детворе.

Н. ПАСС.